

18+

гру ше ва я

пол яна

нана
ЭКВТИМИШВИЛИ

роман

Есть смысл

Нана ЭКВТИМИШВИЛИ

Грушевая поляна

«ВЕБКНИГА»

2015, 2018

Эквtimiшвили Н.

Грушевая поляна / Н. Эквtimiшвили — «ВЕБКНИГА», 2015,
2018 — (Есть смысл)

ISBN 978-5-6046470-9-7

Тбилиси, середина девяностых, интернат для детей с отставанием в развитии. Леле исполняется восемнадцать лет и она теперь достаточно взрослая, чтобы уйти из этого ненавистного места, где провела всю жизнь. Но девушка остается, чтобы позаботиться о младших воспитанниках, особенно – о девятилетнем Ираклии, которого скоро должна усыновить американская семья. К тому же Лела замышляет убийство учителя истории Вано и, кажется, это ее единственный путь к освобождению. Пестрый, колоритный роман о брошенности и поисках друга, о несправедливости, предрассудках и надежде обрести личное счастье. «Грушевая поляна» получила награды Scholastic Asian Book Award (SABA), Literary Award of the Ilia State University. Перевод с грузинского выполнила театральная критик Майя Мамаладзе.

ISBN 978-5-6046470-9-7

© Эквtimiшвили Н., 2015, 2018

© ВЕБКНИГА, 2015, 2018

Содержание

Информация от издательства	6
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Нана ЭКВТИМИШВИЛИ

Грушевая поляна

© Nana Ekvtimishvili 2015, 2018

© Suhrkamp Verlag Berlin 2018

All rights reserved by and controlled through Suhrkamp Verlag Berlin.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. БФ «Нужна помощь», 2022

* * *

Информация от издательства

მცხლები მბეღობი

Издано с разрешения SUHRKAMP VERLAG AG

На русском языке публикуется впервые

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Все персонажи, представленные в произведении, вымышлены.

Любое сходство с живыми или умершими людьми случайно.

Глава первая

На одной из окраин Тбилиси, среди кварталов безымянных улиц, есть улица с названием: это Керченская. Здесь вы не увидите достопримечательностей, исторических зданий, фонтанов, памятников выдающимся личностям. По обеим сторонам улицы тянутся советские жилые дома, в окружении елей высится промышленный комбинат с широкой просторной лестницей, за ним детский сад, общеобразовательная школа номер какая-то, бывшее здание АТС, домоуправление, продовольственный магазин, универмаг и, наконец, «школа для дебилов», как зовут ее местные жители; на самом же деле учреждение это называется вспомогательная школа-интернат для умственно отсталых детей.

Неизвестно, кто придумал тогда, в 1974 году, дать улице название в честь крымского города, того самого, где погожим октябрем 1942-го, когда ветер рябил прогретую солнцем за лето поверхность моря, нацистская армия уничтожила тысячи человек. Впрочем, на тбилисской улице нет ни кораблей, ни морского ветра. Поздняя весна, солнце печет вовсю, над городом стоит марево, на обочине изнывают от жары два хилых клена. Редко проедет машина, и если какая-нибудь из лежащих в пыли собак не поленится, то проводит ее с лаем до перекрестка к магазину, замрет, поглядит разочарованно вслед да и вернется к валяющимся у дороги собратям.

В отличие от Керчи, у Керченской улицы нет героев. Тысячи горожан самоотверженно сражались против осадившей город армии нацистов, но потерпели поражение. Вероятно, поэтому сразу после окончания войны советское правительство не присвоило Керчи звание города-героя – а значит, она не получала помощи из казны и вынуждена была восстанавливаться собственными силами. Только тридцать один год спустя, в 1973-м, Керчь объявили городом-героем, а вскоре после этого и улице в Тбилиси дали название в честь героического города. Тианетское шоссе переименовали в улицу Керченскую, вероятно потому, что в ту пору Тианети никак не зарекомендовал себя в советских героических анналах. Те обитатели Керченской и окрестных улиц, кому довелось пережить войну, названную Отечественной, потихоньку умирали. Оставшиеся старики-ветераны в выходные дни любили прогуливаться по Керченской в пиджаках с погонами и медалями, подставляли солнцу сухую грудь, ступали по тротуару чинно и осторожно. У многих на стене в гостиной висел портрет Сталина, и они гордились победой. Впрочем, уйти с этого света им пришлось не без горечи. Растерзанную родину они оставили детям и внукам, которые по сей день живут на Керченской и соседних улицах, в многоэтажках, выстроенных по московским и чешским проектам, и в хрущевках с низкими потолками. Жители так и передвигаются между домом, детским садом, школой, работой и универмагом. После распада Советского Союза маршруты их поменялись: кто предпочитает оставаться дома, кто проводит дни и ночи на митингах и забастовках, кто снял со стены фото Сталина, а кто и скончался.

В солнечный день поздней весны на Керченской улице, в старой бане «школы для дебилов», под горячей струей воды, опустив голову и слегка ссутулясь, стоит Лела и думает: «Я должна убить Ваню».

Она воспитанница этой школы. Месяц назад Леле исполнилось восемнадцать.

«Убью Ваню! А потом пусть за мной приходят и арестовывают, если захотят!»

Баня наполнилась паром. Лела закручивает кран. От худого раскрасневшегося тела тоже поднимается пар. На тощей спине, ровно посередине, виден Лелин позвоночник, похожий на готовую изогнутую пружину, протянувшуюся от тонкой талии к широким плечам.

«Убью!» – думает Лела, надевает рубаху цвета хаки и застегивает пуговицы. Здесь же, на желтоватой школьной скамейке, которая от пребывания в бане прогнила и облупилась, лежат

огрызкок хозяйственного мыла и расческа с выпавшими зубьями. На спинке стула висят брюки. Лела просовывает ноги в штанины, заправляет рубашку и крепко затягивает ремень.

«Что я? Меня никто не поймает, скажут – психованная, дебилка. Самое большее – укут в дурдом. Вот Гнацо, сын Тариэла, тоже сидел в дурдоме, и вышел, и расхаживает себе», – думает Лела, проводит пятерней по коротким влажным волосам и трясет головой, как мокрая собака. В этот момент двери бани с грохотом открываются. Лела различает сквозь пар тшедушную фигурку.

– Ты тут? – взывает к ней вцепившийся в дверную ручку Ираклий – невысокий, Леле до плеч. Она не отвечает, продолжает одеваться, с трудом натягивает носки на мокрые ступни. – Идем, тебя Дали давно зовет!

– Что ей надо? – Лела обувается и медленно шнурует кеды. Проникший снаружи воздух рассеивает пар, и теперь уже хорошо виден стоящий на пороге Ираклий с его острыми торчащими ушами и широко распахнутыми глазами. Ираклий отдувается.

– Пойдем, Дали тебя зовет. Дети на пятом прыгают по кроватям и отказываются слезать. Лела с силой завязывает второй кед и быстрыми шагами следует за Ираклием.

Снаружи тепло, светит солнце. Никого нет. Они перебегают стадион, который находится между корпусом бани с прачечной и вытянутым в длину основным зданием.

Лела одевается по-мальчишески и на первый взгляд похожа на мальчика, особенно сейчас, когда спешит. Впрочем, тот, кто посмотрит на нее вблизи, заметит изящно очерченные светлые брови, черные глаза, нежную кожу лица и пунцовые потрескавшиеся губы, а проступающая под рубашкой округлая грудь окончательно рассеивает сомнения: перед нами девушка.

– Дали не смогла их прогнать. Прыгают на сетках, – пыхтит Ираклий.

Лела опережает Ираклия. Они приближаются к зданию. Вбегают по лестнице на крыльцо, перескакивая через широкие ступени, и оказываются в вестибюле.

В фойе, пол в котором выложен мозаичными бетонными плитами, как всегда, прохладно. На стене висит несколько стендов. На одном закреплен красный огнетушитель.

Лела мчится по лестнице, взлетает на пятый этаж и несется по длинному коридору. В дальнем конце слышен визгливый крик Дали. Лела вбегает в комнату. Там крутятся дети, некоторые из них скачут на сетках железных кроватей. Пружины скрипят. Среди детей мечется низкая полная женщина, будто играет в салки, на самом же деле она гоняется за детьми, хотя пока никого не сумела поймать. Это Дали, надзирательница и сегодняшняя дежурная. Сквозь редкие, выкрашенные в красный цвет волосы Дали просвечивает кожа. Волосы стоят над головой, точно нимб: ни дать ни взять школьная святая, тем более что в вечной беготне за воспитанниками она страдает, как настоящая мученица.

Несколько месяцев назад интернат получил гуманитарную помощь: ему подарили деревянные кровати. Старые, прослужившие много лет железные снесли на пятый этаж и составили в одну комнату. Однажды, когда здесь еще спали дети, случился потоп. Рабочие заделали потолок, но без толку. Потолок чинили и второй раз, и третий... Но всякий раз, как шел дождь, потолок протекал, и постепенно с этим смирились. Во время дождя дети поднимались сюда и наблюдали, как с потолка льется вода. В комнате до сих пор стоят ведра и тазы, чтобы собрать дождевую воду, а потом выплеснуть из окна или с балкона. После того как в опустевшую, загроможденную ведрами и тазами комнату перенесли железные кровати, ее прозвали «кроватьной». Теперь уж стало воистину невозможным изгнать отсюда детишек: ничто не сравнится с удовольствием попрыгать на кроватях, особенно в дождливый день.

Притягательности «кроватьной» добавляло и еще одно обстоятельство: единственный с этой стороны здания балкончик рухнул да так и остался лежать на земле грудой бетонных обломков. Отломился и металлический каркас с кусками шифера, так что из стены на месте балкона теперь торчали только швеллеры. Воспитанники интерната во время происшествия играли в футбол на стадионе неподалеку; никто не пострадал. Разумеется, директора и школь-

ное начальство это заботило куда больше, чем рухнувший балкон. А через несколько дней унесли и балконную дверь, причем вместе с дверной коробкой. Не исключено, что ее украд кто-то из соседей – подумал, наверное: балкона уже нет, кому теперь нужна дверь? В общем, в стене «кроватьной» отныне зияет пролом величиной с дверь, сквозь который, особенно в такую погоду, как сегодня, было видно лазурное безоблачное небо, а еще тополя и административный корпус напротив.

– Не ходи туда, а то побую! – верещит Дали. А дети смеются, гоняются друг за другом.

Дали говорит Леле:

– Вот видишь... Проволокой закрутила снаружи, они ее сняли и смотри до какого состояния меня довели!

Лела замечает стоящего в углу Васку. Васка – цыганенок лет пятнадцати, хотя выглядит гораздо младше. В интернате Васка давно. Лела помнит, как он здесь появился. Васке тогда было восемь, а Леле – одиннадцать. Васку сдал в интернат дядя, смуглый, зеленоглазый, с наколками на волосатых руках. Больше он в интернате не появлялся. Поначалу Васка привязался к Леле, как сейчас Ираклий; она покровительствовала парнишке и защищала его от местных обитателей, для которых новенькие в интернате всегда были лакомым куском. Потом неожиданно у них приключился секс. Произошло это возле бани, под грушевыми деревьями, на обочине сырой поляны. Лела помнит, что тем вечером со стадиона вдруг все исчезли. Дали тогда увлекалась каким-то латиноамериканским сериалом, где свекровь и невестка насмерть враждовали друг с другом, не пропускала ни единой серии и всех детей затащила на передовую той родственной баталии. Дети убежали смотреть телевизор, а Лела и Васка остались на стадионе одни. Лела уже почти забыла, как все случилось. Они с Ваской пошли к грушевым деревьям и разделись. Леле не было больно, как в другие разы, наоборот, она чувствовала нежность, осторожность и мягкость тела Васки. Одно ее раздражало: как в нее утыкались костлявые бедра Васки. Лела и Васка целовали друг друга в губы, Васка уже умел целоваться взасос. Друг другу они ничего не сказали. Ни в первый раз, ни в последующие, потому что встречи у груш продолжались. Лела не помнит в точности, когда все это изменилось, когда и отчего она отвергла Васку и почему обратила его в постоянный объект унижений. Васка никогда и ни в чем не возражал Леле, вот и сейчас воспринял ее приход совершенно спокойно. Даже улыбался. Лелу Васкина улыбка вывела из себя. Ей захотелось подскочить к нему и сбить кулаком ухмылочку с его красных губ. С самого начала, как Васка появился в интернате, и в последующие годы он никого не сторонился, не смотрел на других издали и поговорить-то любил. Но раньше Васка так не улыбался, а потом вдруг эта улыбка прорезалась на его лице, немного насмешливая, странная... Не поймешь, улыбается он, смеется над тобой или ему вовсе не до смеха.

– Что ты, парень, там прислонился? – рычит на Васку Лела. – Не можешь помочь Дали?

Улыбающийся Васка смотрит на Лелу зелеными глазами и лопочет что-то непонятное.

Лела направляется к обрушенному балкону, где у зияющего на месте двери провала толкуются ребята. У самого края стоят двое, а еще один, в черных шортах и майке с Микки Маусом, шестилетний Пако, недавно прибывший в интернат, выбрался на железный швеллер и, посмеиваясь, изображает канатоходца.

– Что я вам говорила? – обрушивается на них Лела. – Разве я вам не говорила, чтобы вы не приближались к этой комнате? Сейчас всех поймаю и выброшу отсюда!

Стоящие с краю отскакивают от провала и убегают. При виде Лелы улыбка испаряется с лица Пако, он на миг теряет равновесие, но вскидывает руки и медленно шагает по швеллеру. Едва Пако оказывается в комнате, как Лела хватается за шиворот, отрывает от пола и выставляет наружу, будто собирается выкинуть на улицу. Пако бледнеет, меняется в лице, морщится и беспомощно сучит ногами в воздухе.

– Хочешь отпущу? Отпустить? – встряхивает его Лела.

Пако цепляется за нее.

– Хочешь упасть? Хочешь? Хочешь голову сломать?

Лела втаскивает Пако в комнату и отпускает. Пако убегает. В этот момент он похож на крохотного юркого жучка, с которым сыграли в смертельную игру, и теперь он, освобожденный, улепетывает прочь от опасности.

– Я вам покажу! Почему вы не слушались Дали? – кричит Лела.

Ираклий гонит ребят из комнаты, как ягнят. Васки не видно. Из комнаты выбегает последняя нарушительница, Стелла, с чуть оттопыренной попой и кривыми, слабыми ногами в рейтузах, в которые заправлена водолазка. В комнате остаются Лела, Ираклий и Дали с измученным лицом и нимбом растрепанных волос. Дали садится на одну из железных кроватей и неожиданно для себя продавливает массивным задом пружинную сетку почти до самого пола. Машет руками, Ираклий протягивает ей ладонь и помогает выбраться на край кровати. Дали отдувается.

– Пойди скажи Цицо, – говорит она Ираклию, – давно уже мне обещала, так пусть отыщет наконец замок, запрет эту треклятую комнату, а то свалятся они у нас, будем потом бить себя по голове.

Ираклий убегает. Дали опускает руку в ближайший таз с водой, обмакивает пальцы и проводит по лбу.

– Не могу больше, – охает она и, опомнившись, кричит вслед Ираклию: – Если кого-то встретишь, скажи, чтобы тащились в столовую!

Лела стоит у края дыры и смотрит вниз. Представляет, как столкнет туда Ваню. Тот сначала изумится – как посмела она толкнуть его, взрослого человека, учителя истории, заместителя директора! – решит на секунду, что это нелепая случайность... Потом, когда нога соскользнет, а спина почувствует пустоту, он посмотрит на Лелу поверх очков и увидит: ее совсем не волнует, что Ваня падает с пятого этажа. И в этот миг Ваня сморщится, как прежде Пако, пронзит Лелу взглядом, а она скажет: «Сдохни, сволочь!» Ваня рухнет спиной на груды бетона, захрипит...

– Вот и замок, – слышит Лела голос Ираклия и оборачивается. Дали уже ушла. – Цицо сказала, пусть Дали закроет и отдаст ей ключи. Ну, не знаю. Он толком и не закрывается, она сняла его с почтового ящика.

Лела берет у Ираклия малюсенький замок. Смотрит на него с сомнением:

– И кого это удержит?

Они покидают комнату. Лела прикрывает за собой дверь и запирает на замочек. Ключ от него отдает Ираклию. Потом дергает дверь, не сильно, а так, как это сделала бы, например, Стелла.

В коридоре бегают дети. Лела раскуривает сигарету. Из дверей комнаты появляется Стелла и замирает растерянно, не зная, куда идти.

– Ну-ка бегом в столовую! – командует Ираклий.

Девочка шмыгает прочь.

– Пойдем позвоним? – просит Ираклий.

– Как же ты меня достал! Не приставай ты к ней, не унижайся понапрасну!

– Она сама мне сказала, на этой неделе... – бубнит Ираклий. – Богом клянусь!

Они выходят во двор. Перед домом широкая асфальтовая дорога, на которой всегда стоит голубой фургон физрука Авто. Во дворе растет много елей, и земля усыпана иголками.

Ираклий и Лела идут в столовую. Для этого им нужно пересечь маленькое пространство между основным зданием и административным корпусом. В этом корпусе проводятся занятия, там же кабинет директора школы для умственно отсталых детей. Корпус выглядит более ухоженным, чем остальные постройки: и окна у него на месте, и балконы.

Из корпуса выходит Серго. Ему десять лет. Из-под мышки у него торчит кусок розовой ткани. Рядом идет Коля. Он подволакивает ногу, у него трясется голова. Не поймешь, сколько Коле лет, возможно, десять, а возможно, и все пятнадцать. «По Коле видно, что он debil, – думает Лела. – По одним видно, по другим – нет. По Серго, например, не видно, и по Ираклию тоже».

– Все в столовую, Дали велела! Серож, Коля! – командует Ираклий.

Серго следует своей дорогой, не слушает Ираклия. Коля же приостанавливается, а после неуверенно бредет в столовую.

– Ты куда? – спрашивает Лела Серго.

Тот огибает Лелу, направляется к воротам.

– В ларек, – отвечает Серго, не оглядываясь.

– С чего тебе понадобилось в ларек?

– Платье несую, Цицо велела.

Серго неожиданно выхватывает из-под мышки розовую ткань и закутывается в нее, точно иллюзионист. Поворачивается на каблуках к Леле. Она смотрит на него недоверчиво, Серго смеется.

– Не веришь? – Серго прикладывает к себе платье. – Идет мне?

– Берегись, чтобы тебя не похитили! – говорит ему Лела, и они с Ираклием идут к столовой.

Для директрисы Цицо и здешней жительницы Заиры, ларек которой стоит на противоположной стороне улицы, подобный обмен не редкость. Золовка Заиры ездит в Турцию и привозит оттуда всевозможные тряпки на продажу. Иногда Цицо покупает у Заиры одежду. Это платье ей тоже понравилось, но не подошло, вот она и вернула его обратно.

Серго медлит, долго и старательно складывает платье и устремляется к калитке.

Ираклий и Лела приближаются к столовой, из которой пахнет жаренной картошкой с луком, а еще чем-то острым. Лела делает последнюю затяжку, бросает окурок в укромный угол, и в этот момент слышится глухой удар и резкий скрежет тормозов. Лела оборачивается, пытаясь разглядеть улицу сквозь ели. Ираклий уже спешит к воротам. Из домика охраны, прихрамывая, выбегает на улицу старик, сторож Тариэл, дубленка, которая зимой и летом греет его плечи, падает наземь. Раздается чей-то громкий плач. Лела мчится на звук.

На выходе из поросшего елями двора Лелу обволакивает уличный зной. Полуденное солнце печет всю и отбрасывает к ногам случайных прохожих короткие нервные тени. Неподалеку на обочине стоит машина. Из нее с растерянным видом вылезает мужчина средних лет и, не заперев дверцу, быстрой неровной походкой направляется прочь. Тариэл и Ираклий тоже торопятся туда, и Лела инстинктивно следует за ними. На обочине лежит ничком Серго, Леле кажется, что он слегка шевелится. Слышны голоса: «Я ехал себе, а он выскочил...», «Я врач...», «Позвоните в скорую...»

Тариэл и Ираклий с осторожностью ощупывают Серго.

– Серож, Серож! – зовет Ираклий.

Переворачивают его. Серго в крови.

– Серожа!

Лела осторожно касается плеча мальчика. Но в этот момент какой-то неизвестный мужчина грубо отталкивает ее, присаживается рядом с Серго на корточки, кладет два пальца на его шейную вену и замирает. Лела отходит в сторону, побледневший Ираклий выпрямляется, не сводя глаз с Серго. От мужчины воняет водкой, под расстегнутой рубашкой видна отечная, покрасневшая грудь, грязный указательный и средний пальцы впиваются в нежную, мягкую шею Серго. Кажется, будто мужчина приставил к горлу Серго кинжал, вынуждая его раскрыть тайну. Серго не шевелится: ни кинжал его не волнует, ни собравшийся вокруг народ, – тайны

он никому не откроет. Из ларька выскакивает продавщица Заира, бьет себя по голове. Слышны голоса: «Кто это?», «Кто выпустил такого ребенка оттуда?..»

– Что случилось?! – слышит Лела знакомый голос и оглядывается.

Из ворот интерната выбегает директриса Цицо в узкой черной юбке, лаковых лодочках на высоких каблуках и в зеленой кофточке с оборочками. На шее у Цицо бусы с крупными черными бусинами, которые на бегу колышутся вместе с директрисиной полной грудью. Цицо бежит со всей мочи, тяжело и широко ступая полными ногами. Лицо бледное. Слышны слова: «скорую...», «дуйте...», «выскочил», «я ехал себе, а он выскочил...» Цицо приближается к собравшимся, бросает безумный взгляд на Серго и пятно крови на асфальте. Там же, на дороге, под ногами зевак валяется розовое платье, и Цицо замечает, что оно в крови.

Мужчины крутятся возле Серго, один говорит, что Серго дышит, словно хочет успокоить собравшихся, другой, заглушая прочие голоса, диктует адрес для скорой: «Керченская улица... около перекрестка Тианети... все время вперед, там увидите... совсем ребенок».

Улица потихоньку наполняется появившимися словно из ниоткуда людьми: кажется, будто они таились в укрытии где-то в стороне от этой пустынной, высохшей на солнце дороги, дожидаясь момента, чтобы выйти из своих убежищ. Какая-то худощавая деловитая женщина вдруг требует воды. Люди замечают, что Заире стало плохо и, осев на тротуар, она бесстыдно раскинула толстые ослабевшие ноги. Ее мясистую спину поддерживает физрук Авто, также взявшийся словно из ниоткуда. Неизвестный мужчина разгоняет любопытных: Заире нужен воздух. Тариэл отходит от мужчин и сообщает Цицо:

– Мы уже вызвали скорую.

– Боже, помоги нам... – говорит бледная Цицо, и глаза ее наполняются слезами. – Что с ним, он сильно ранен?

– Сильно, – отвечает Тариэл и выходит из круга.

– Успокойтесь, калбатано¹, – вылезает вдруг незнакомый лысый мужчина без шеи и с красными щеками, решивший поделиться с остальными своим спокойствием. – Не поднимайте паники, о нем позаботятся. Не подходим близко, не стоим все у него над головой, чтоб к нему поступал воздух. А то кому теперь оказывать помощь, мальчику или вот ей...

Мужчина кивает на Заиру, которая к этому времени слегка пришла в себя, хотя ноги ее по-прежнему раскорячены и сидит она на тротуаре, как пьяная, а Авто по-прежнему поддерживает ее под спину. Возле Заиры присаживается худощавая женщина со стаканом воды.

Цицо заливается румянцем. Шея и лицо ее краснеют, идут пятнами, будто у нее началась краснуха. Цицо подходит к валяющемуся на асфальте платью, поднимает и быстро сворачивает, чтобы не испачкать руку кровью. Тут она замечает, что на нее смотрит Лела. Цицо отводит глаза, быстрым шагом приближается к Леле и цедит:

– Отойдем на минуточку.

Лела следует за ней. Цицо впивается пальцами в ее локоть:

– Забери вот это, осторожно. Беги и положи в ящик моего стола. И никому ни слова, о чем бы тебя ни спрашивали, поняла?

Лела вглядывается в потное лицо Цицо. Пытается собраться с мыслями, что-то ответить, но не получается, она берет платье и бежит. Бежит так, будто этим поможет спасти Серго. Пробегая мимо елей во дворе, Лела видит выходящую из столовой Дали. Она куда-то спешит, а вслед за ней, подобно пастве, несется орава ребятишек. Дети обгоняют Дали, и та теряется среди них.

Лела заходит в административный корпус, направляется в кабинет Цицо. Дверь здесь чуть другая, чем в жилом корпусе: выпуклая, обитая мягкой кожей. Лела входит в кабинет Цицо и выдвигает ящик стола: на глаза ей попадает большая початая плитка шоколада.

¹ Принятое в Грузии обращение к женщине. – Здесь и далее прим. пер.

Девушка запикивает платье в ящик и закрывает его. Стол Цицо почти пуст: к карандашнице прислонена ламинированная бумажная иконка святого Георгия, рядом лежит тетрадь; в граненом стакане, полном воды, пытается пустить корни растение с мясистыми листьями. Под толстым стеклом на столешнице календарик, черно-белое фото Грегори Пека и два паспортного размера снимка детей Цицо.

Лела возвращается на улицу. Серго уже там нет, а люди остались и о чем-то судачат. За это время приехала скорая и увезла Серго. Заиры тоже не видно. Здесь же районный инспектор Фируз, родом из Харагаули. У Фируза глубоко посаженные глаза и необычное для полицейского доброе выражение лица. Инспектор отвел водителя машины в сторонку и беседует с ним. На обочине стоят Цицо, Дали, Таризел и соседи. В толпе молодежи – Коба, парень двадцати пяти лет, ладно сложенный, коротко стриженный, с залысинами по краям высокого лба, с сухощавым лицом, продолговатым носом и обиженным взглядом. Лела замечает Кобу. И Коба видит ее, но друг с другом они не здороваются. Воспитанники школы, впервые в жизни послушавшись Дали, потому что она плачет, пересекают вместе с ней пешеходный переход и скрываются в поросшем елями дворе.

Тем временем люди пересказывают друг другу, как Серго удрал из интерната, чтобы купить в ларьке Заиры мороженое, как перебежал не глядя дорогу и как его сбила машина. Васка тут же, на тротуаре, ближе к обочине, вглядывается в стоящих на улице. Привычная улыбка исчезла с его лица, он слушает взволнованную, глотающую слезы Цицо:

– Запрещаем, запрещаем, мы разве не запрещаем? Но кадров не хватает, и в министерство мы обращались, одной Дали на целый день недостаточно... Нам нужны люди, все знают наше положение, но не обращают внимания, хоть бы теперь наконец нам выделили кадры.

Вечером интернат облетает известие, что Серго скончался.

На следующее утро в интернате все притихшие.

Занятия отменили.

Приходит Ваню, сухой высокий мужчина с щегольски подстриженными густыми усами, черными с проседью; через лысину его зачесана прядь волос. Ваню всегда одет в заурядный серый костюм; кажется, будто брюки и пиджак срослись с хозяином и сидят на нем как рабочая спецовка, предназначение которой – не стеснять движений. Иногда, в морозные зимние дни, Ваню поддевает под пиджак жилет в ромбах, а порой, если холод пронизывает до костей, накидывает серое пальто, на шею же всегда повязывает одним и тем же способом зеленое кашне, тоже в ромбах.

Ваню никогда не улыбается. Не говорит ни слова, когда выходит из класса в полный детей коридор или проходит перед учительницами в школьном дворе. Только в знак приветствия чуть наклоняет лысеющую голову с фальшивой прядкой.

Тело Серго привезли из больницы и отнесли в спортзал в административном корпусе. Зарешеченные полуподвальные окна спортзала смотрят на двор. Зал пуст, если не считать шведских стенок и разбросанного спортивного инвентаря. Каждое слово, каждый шорох рассеивается как дым и оседает в пустых углах. Серго покоится в центре зала. Сидящие на длинной низкой скамье вдоль стены ребяташки не осмеливаются переговариваться в полный голос и шепчут, едва шевеля губами. Дети всматриваются в центр зала, где на письменном столе физрука Авто лежит покрытое простыней тело Серго.

Мужчина, который сбил Серго, в это время ждет во дворе интерната. Среднего роста, лет сорока на вид, он производит впечатление человека мирного и рассудительного. Однако же свисающий на воротник пиджака второй подбородок и выпуклая вена на красном лбу свидетельствуют об усилиях, которых стоит ему это спокойствие. Кажется, будто лоб, горло и голова мужчины раздались от натуги, точно лягушка, которую надувают через соломинку, и однажды непременно лопнут. Вокруг него, так же мирно понуриив головы, стоят четверо мужчин. Они словно здесь, на грязной и ржавой земле интерната, а словно и не здесь. Такое ощущение, будто

мужчины попали сюда по ошибке и ждут на остановке, чтобы вскочить в первый же автобус и поскорее уехать.

Из соседнего корпуса на мужчин с интересом смотрят здешние жительницы: гадают, кто же убийца. Старуха Тина, у которой болят ноги и которая поэтому ходит с палочкой, определяет его и пронзает пристальным взглядом. Теперь и все женщины смотрят на водителя. Словно то, что этот человек сбил Серго и сейчас стоит во дворе, не скрываясь ни от кого, подтверждает его честность и храбрость, которые невозможно не уважать.

– Не было его вины, значит... – замечает Венера, женщина лет шестидесяти со стриженными седыми волосами и короткой ниткой жемчуга на шее.

Тина щурится, словно не доверяет словам соседки, и еще внимательнее вглядывается в стоящего во дворе мужчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.